

ПАМЯТНИКИ ПОКРОВСКОГО ТИПА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ

А. Д. Пряхин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 ноября 2010 г.

Аннотация: в археологии бытует несколько подходов к оценке памятников покровского типа заключительного этапа средней – начала поздней бронзы степной и лесостепной зон доно-донецкого региона и волго-уральских пространств: покровская археологическая культура, покровская срубная культура, покровская абашевская культура, покровский культурный тип. Обосновывается необходимость оценки памятников покровского типа в системе абашевского и срубного миров как промежуточного звена между ними.

Ключевые слова: покровская археологическая культура, покровская срубная культура, покровская абашевская культура, покровский культурный тип.

Abstract: modern archaeology takes different approaches to the interpretation of the Pokrovsky type sites located in the steppe and forest-steppe Don-Donetsk and Volga-Ural regions at the end of the middle – beginning of the late Bronze Age. These sites are defined as the Pokrovsky archaeological culture, the Pokrovsky Srubnaya (Timber-grave) culture, the Pokrovsky Abashevo culture and the Pokrovsky cultural type. The article validates the interpretation of the Pokrovsky type sites in the system of Abashevo and Srubnaya antiquities as a transitional link between them.

Key words: Pokrovsky archaeological culture, Pokrovsky Srubnaya (Timber-grave) culture, Pokrovsky Abashevo culture, Pokrovsky cultural type.

Выделение и первое осмысление памятников покровского типа связано с именем А. Х. Халикова. В работах второй половины 1960-х гг. он интерпретировал последние как начальную стадию срубной культуры. Территорию их распространения он определял преимущественно Средним и Нижним Поволжьем [1, с. 30–31]. Тогда же соответствующий массив захоронений Покровских курганов П. Д. Либеров, А. Д. Пряхин, В. И. Сагайдак интерпретировали как абашевские.

В середине 1970-х гг. выделяется и доно-волжская культура, основной массив памятников которой – лесостепное Подонье. А. Х. Халиков, признавая правомерность выделения этой культуры, продолжает развивать мысль о выделении на территории Нижнего – Среднего Поволжья памятников покровского типа. С конца 1970-х гг. к осмыслению памятников покровского типа Поволжья приступает Н. М. Малов, последовательно развивший подход, в основе которого – выделение памятников покровского культурного типа.

Новый период в осмыслении памятников покровского типа берет свое начало с 90-х гг. XX столетия, когда проблемой их оценки активно занимаются как российские, так и укра-

инские исследователи. Н. М. Малов в 1992 г. защищает диссертационное исследование «Абашевские» племена Нижнего Поволжья (памятники покровского типа)» [2]. Показательно, что покровские памятники им преимущественно сопоставляются с древностями средневожской, но никак не с древностями доно-волжской абашевской культуры. Собственно, по тому же пути пошла и О. В. Кузьмина, придавая памятникам покровского типа статус отдельной археологической культуры. В опубликованном в 1995 г. докладе о соотношении абашевской и покровской культур, как, впрочем, и в других ее работах, древности доно-волжской абашевской культуры оказываются на обочине рассмотрения. В ее работах даже чувствуется стремление чуть ли не подменить название «доно-волжская абашевская культура» термином «покровская культура» [3, с. 27–50; 4, с. 65–134]. В. С. Бочкарев, выступая в середине 1990-х гг. в дискуссии по одному из докладов О. В. Кузьминой, высказался в том смысле, что «к доно-волжской абашевской культуре А. Д. Пряхина наука уже не вернется» [5, с. 77].

Р. А. Литвиненко, увлекшись идеей выделения памятников покровского типа на территории Левобережной Украины, склонялся к мнению, согласно которому термин «абашевская культура» по отношению к памятникам бассей-

на Северского Донца вообще не корректен, считая более оправданным называть их памятниками покровского типа [6, с. 73–82; 7, с. 92–97]. Подавляющее большинство этих памятников он соотносил с поздним этапом покровских памятников Волго-Донского района, полагая, что именно покровский импульс из лесостепного Подонья, вероятно, являлся ключевым в формировании в бассейне Северского Донца срубной культуры, сохранявшей в течение двух первых этапов развития местные многоваликовые и пришлые покровские традиции. Правда, к концу десятилетия он уже не исключает возможности выделения ранней и поздней ступеней покровского этапа в бассейне Северского Донца, первый из которых, по его представлениям, может быть отнесен к позднему этапу доно-волжской абашевской культуры, а поздний, проявляющий наличие только размытых абашевских черт, – это уже ранний этап срубной культуры [8, с. 82–83].

О пласте захоронений покровского типа на Северском Донце и в Нижнем Подонье ведет речь Э. С. Шарафутдинова. По ее представлениям, покровцы сменили на Нижнем Дону и на Северском Донце памятники среднедонской катакомбной культуры и связанные с ними памятники типа культуры многоваликовой керамики (результат миграции покровского населения со Среднего Дона и из Волго-Донского междуречья) [9, с. 82–83].

Иных позиций в оценке «покровских» памятников Подонцовья придерживается С. Н. Санжаров, которым поначалу было высказано суждение о первоначальном проникновении населения покровской культуры на территорию Подонцовья в позднекатакомбное время, что и обусловило трансформацию позднекатакомбной культуры в специфическую группу памятников, известных затем под названием культуры многоваликовой керамики. Впоследствии уже в рамках первого десятилетия XXI столетия он ведет речь о проникновении на эту территорию не покровцев, а доно-волжских абашевцев.

Постепенно оценка древностей покровского типа во все большей степени зависит от осмысления основного массива памятников доно-волжской абашевской культуры на пространствах лесостепной зоны и прилегающих территорий степной зоны Подонья. Сошлюсь на публикацию в самом начале первого десятилетия XXI в. коллективной монографии исследователей, работающих на кафедре археологии Воронежского госуниверситета [10]. Основу книги составили как статьи, опубликованные в конце 1990-х гг., так и не публиковавшиеся ранее ста-

ты. В помещенных в книге статьях А. Д. Пряхина, В. И. Беседина, Е. Ю. Захаровой, А. С. Саврасова, И. Е. Сафонова, Е. Б. Свистовой чуть ли не наибольшее внимание уделяется анализу данных, свидетельствующих о трансформации этой культуры и ее роли в становлении здешней срубной культуры. Это, собственно говоря, влияет на оценку памятников покровского типа как памятников переходного времени между доно-волжской абашевской культурой и срубной культурно-исторической общностью. Еще раньше, выступая на состоявшейся в 1996 г. в Донецке международной научной конференции «Северо-восточное Приазовье в системе Евразийских древностей», я употребил термин «покровский феномен», за которым фиксировался тот факт, что ранние из относимых к покровским памятникам – это завершающий этап древностей доно-волжской абашевской культуры, а поздние следует рассматривать в связи с оценкой раннего пласта срубных древностей лесостепного Подонья [11, с. 81–82]. Ю. П. Матвеев интерпретировал покровские памятники как памятники переходного типа между доно-волжской абашевской и раннесрубной культурой доно-волжского междуречья [12, с. 28; 13, с. 60–71].

Отмечается и стремление подчеркнуть значимость сопоставления древностей доно-волжской абашевской культуры Подонья с теми памятниками покровского типа Нижнего Поволжья, которые обнаруживают абашевский облик, причем проявляющиеся абашевские черты имеют также более поздние памятники покровского типа уже в системе срубных древностей [14, с. 70].

Иной подход в оценке доно-волжской абашевской культуры и покровских древностей применительно к пространствам лесостепного Подонья демонстрирует А. Т. Синюк. Выступая в 1991 г. на II Рыковских чтениях в Саратове он счел возможным престижные захоронения с территории лесостепного Подонья (Введенка, Кондрашевка, Богоявленка, Новый Курлак и др.) отнести не к доно-волжской абашевской культуре, а к памятникам покровского типа [15, с. 47–48]. В опубликованной в середине 1990-х гг. его совместной с И. А. Козмиркуком статье излагаются результаты исследования могильников Подонья, содержащих военно-аристократические захоронения (Первый Власовский могильник, Филатовский курган, Павловский могильник), которые теперь уже определяются как захоронения покровского абашевского типа, оставленные населением, исходные позиции которого на более восточных территориях [16, с. 67]. Следующий шаг в обозначенном направлении – разделение А. Т. Синюком доно-волж-

ской абашевской культуры на две абашевские культуры, более поздняя из которых покровско-абашевская.

В 1996 г. публикуется книга А. Т. Синюка по бронзовому веку донского бассейна, где оценке памятников покровско-абашевской культуры посвящен отдельный параграф главы по эпохе средней бронзы Подонья [17, с. 190–218]. Опорными памятниками при ее выделении продолжают выступать военно-аристократические захоронения, нами рассматриваемые в системе единой доно-волжской абашевской культуры. Но весомых доказательств в пользу оправданности выделения покровско-абашевской культуры, будто бы продвинувшейся «из Волжско-Уральского региона к началу активизации ранних срубно-алакульских проявлений» [17, с. 205], не приводится. Появление на Дону памятников этой культуры, по его мнению, соотносится с хронологическими рамками памятников местной позднекатакомбной культуры, ранней срубной культуры, воронежской культуры и культуры многоваликовой керамики. В более широком плане речь идет об их синхронности покровским памятникам Поволжья и памятникам петровско-новокуманского типа [17, с. 208].

В главе по позднему периоду эпохи бронзы А. Т. Синюк излагает и свое видение происхождения здешней срубной культуры, разнящейся с подходом, согласно которому происхождение здешней срубной культуры связано в значительной степени с дальнейшей судьбой доно-волжской абашевской культуры.

В рассматриваемые годы В. В. Отрощенко последовательно развивает подход, в основе которого выделение покровской срубной культуры [18, с. 70–72; 19, с. 10–14]. По В. В. Отрощенко, покровская срубная культура занимает ту же территорию, что и по Н. М. Малову покровская культура (пространства от Урала до Подонья). Эта культура, в понимании В. В. Отрощенко, в отличие от покровской культуры Н. М. Малова включает не только памятники покровского типа, но и последующий по времени массив срубных древностей. Эталонным памятником этой срубной культуры В. В. Отрощенко называет Мосоловское поселение в Подонье. Само происхождение этой культуры он представляет «как результат политического и культурного воздействия носителей синташтинской культуры на позднеабашевское население Приуралья, Среднего Поволжья и Среднего Подонья» [18, с. 72].

На формирование представлений о покровской срубной культуре повлияли дискуссии второй половины 1990-х гг. на ежегодных полевых

капитановских археологических семинарах, проводившихся в ходе раскопок украинско-российской экспедицией Института археологии НАН Украины, Донбасского металлургического института и Воронежского госуниверситета относящегося к этой культуре I Капитановского поселения в левобережье Донца (Луганская область Украины). В конце десятилетия Ю. М. Бровендер опубликовал основные итоги изучения поселения [20, с. 173–189]. В рамках функционирования данного поселения покровской срубной культуры он оценивает происходящие с поселения серии многоваликовой и позднеабашевской керамики. Говорится о наличии на поселении, как он пишет, и синкретической керамики, сочетающей многоваликовые и покровские черты. Отмечается совместное нахождение той и другой посуды в ряде котлованов, относящихся к разным этапам в жизни срубного поселка. Опираясь в том числе и на стратиграфические наблюдения, Ю. М. Бровендер выделяет четыре периода в истории поселка. Ю. М. Бровендером выявлены общие тенденции в развитии поселений Капитаново-1 в Подонцове и Мосоловского в Среднем Подонье. Третий период Капитановского поселка по мнению Ю. М. Бровендера, соответствует концу раннего – началу среднего этапа Мосоловского поселения в Подонье. Четвертый, последний период в существовании поселения, им соотносится со средним периодом существования Мосоловского поселения [20, с. 182–183]. Он считает, что левобережье Северского Донца являлось зоной активного проникновения туда населения покровской срубной культуры в первый период ее развития с более восточных территорий. Само же I Капитановское поселение оценивается им как эталонный для Подонцова памятник покровской срубной культуры.

Сказанного достаточно для того, чтобы утверждать, что в рамках последнего десятилетия XX в. оформилось несколько подходов в оценке памятников покровского типа, занимающих обширные территории как лесостепной, так и степной зон Волго-Уралья и Доно-Донецкого региона. Один из подходов сводится к приданию этим памятникам фактически статуса отдельной покровской археологической культуры, связанной со срубными древностями (Н. М. Малов, В. М. Бочкарев, О. В. Кузьмина и др.). Отмечается и подход, сводящийся к оценке этих памятников как завершающего этапа доно-волжской абашевской культуры и открывающих пласт срубных древностей (А. Д. Пряхин, В. И. Беседин, Ю. П. Матвеев, А. С. Саврасов и др.). Наконец, А. Т. Синюком выделяется отдельная покровско-абашевская культура, а

В. В. Отрощенко – отдельная покровская срубная культура.

В рамках первого десятилетия XXI столетия в оценке памятников покровского типа продолжают проявлять себя основные подходы последнего десятилетия XX в. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно обратиться к опубликованным материалам состоявшихся в начале этого десятилетия научных конференций, где оценке памятников покровского типа было уделено много внимания [21–24].

Расширительная трактовка проблемы покровских памятников, воспринимаемых как отдельная археологическая культура, изложена В. С. Бочкаревым в разделе «Волго-Уральский регион в эпоху бронзы», написанном для первого тома «Истории татар с древнейших времен» [25, с. 46–68]. Деля эпоху бронзы на раннебронзовый и позднебронзовый века, покровскую (раннесрубную) культуру он относит к началу позднего бронзового века, считая ее, как и носителей синташтинской (петровской) культуры, первичным ядром волго-уральского очага культурогенеза [25, с. 60]. В основе формирования этого ядра – абашевская волна переселенцев с более северо-восточных и восточных территорий. Территория покровской культуры по В. М. Бочкареву – степное и лесостепное пространство между Уралом и Доном.

Что же касается доно-волжской абашевской культуры, то она В. С. Бочкаревым вообще не упоминается, как, впрочем, не упоминается и покровская абашевская культура (по терминологии А. Т. Синюка). Можно предполагать, что памятники этих культур включаются им в число покровских древностей, хотя прямо об этом он и не говорит. По его представлению покровцы трансформируются в срубников [25, с. 67]. Иными словами, в понимании В. С. Бочкарева, термин «покровская культура» чуть ли не исключает необходимость употребления введенного в научный оборот еще в середине 1970-х гг. термина доно-волжская абашевская культура.

Создается впечатление, что у него в число покровских оказывается включенным практически весь пласт и колесничных захоронений доно-волжской абашевской культуры лесостепного Подонья, как, впрочем, и пласт такого рода захоронений в южных пределах лесостепной и прилегающих районах степной зон Поволжья и Волго-Донского междуречья.

Собственно, на близких позициях остается и Н. М. Малов, продолжающий уделять внимание оценке памятников покровского типа [26; 27]. Свои представления о покровцах в системе древностей Нижнего Поволжья он изложил в докла-

де на состоявшейся в 2001 г. в Самаре конференции по хронологии и периодизации культур эпохи бронзы Восточной Европы. Хронология срубной культурно-исторической общности строится им по трем культурным типам (покровский, срубный и хвалынский валиковый). Идет речь и о сосуществовании на каком-то отрезке времени покровцев и ранних срубников (покровско-срубные памятники). Он считает, что ранние срубные памятники Поволжья и Подонья сформировались на основе покровских и культуры многоваликовой керамики, а не доно-волжских абашевских, катакомбных, полтавкинских и так называемых потаповских. Утверждается также, что сама покровская культура оказала влияние на доно-волжскую абашевскую, синташтинско-аркаимскую, петровскую культуры и культуру многоваликовой керамики [28, с. 200].

Н. М. Маловым отмечается наличие серии радиоуглеродных дат. Время покровской культуры, судя по имеющимся калиброванным датам, им определяется XX–XIX–XVII вв. до н.э. [28, с. 201].

В 2007 г. публикуется статья Н. М. Малова, где предпринимается попытка кратко изложить данные по поселениям эпохи бронзы на территории Саратовской области (лесостепные и смежные степные пространства степной зоны), откуда есть покровская керамика. Судя по приводимой карте, такого рода памятники в своем большинстве сконцентрированы в Приволжье и по правому берегу Волги [29, с. 83, рис. 1]. Показательно, что там же находятся изучавшиеся раскопками в 80-е гг. XX в. поселения Новая Покровка I и Новая Покровка II (по р. Терешка) в Правобережье Волги, которые Н. М. Маловым интерпретируются как наиболее ранние среди покровских (29, с. 67). Покровско-абашевские материалы с первого из них он соотносит по времени с синташтинской и петровской культурами [29, с. 577], а поселение Новая Покровка II считает близким по облику к поселению Новая Покровка I. Если исходить из приводимых в статье прорисовок материалов с этих селищ и даваемого при этом их описания [29, с. 56–58; с. 84, рис. 2, 1; с. 86, рис. 4, 1–10; с. 89, рис. 7, 10–14; с. 91, рис. 9, 3, 6, 8, 9; с. 92, рис. 10, 4, 11], то они обнаруживают близость материалам с поселений доно-волжской абашевской культуры Подонья. Н. М. Маловым называются и поселение Сады, относимое к развитому этапу покровской культуры, и поселение Вишневоe, отражающее трансформацию покровской культуры в срубную. То есть, теперь уже им не исключается возможность выделения в покровской культуре

трех периодов. Вообще же нетрудно заметить, что к покровцам им прежде всего относятся те памятники, керамика с которых обнаруживает в разной степени выраженные абашевские черты.

Во второй половине рассматриваемого десятилетия А. И. Юдиным и А. Д. Матюхиным опубликована книга, где анализируются результаты раскопок начала 1990-х гг. могильников Золотая Гора в лесостепном Правобережье Волги и Кочетное в степном Заволжье, время которых укладывается по традиционной датировке в XVII–XVI вв. до н.э., а по радиоуглероду – XX–XVIII вв. до н.э. [30, с. 71]. Необходимость сопоставительного анализа результатов исследования этих могильников продиктована стремлением авторов подчеркнуть наличие на данной территории в раннесрубное время как могильников, где фиксируются покровские (абашевские. – А. П.) черты, так и могильников, имеющих собственно срубный облик (соответственно Золоторский и Кочетновский). Авторы исходят из одновременности этих могильников, фиксируя наличие различий между ними. Отстаивается тезис, согласно которому в Нижнем Поволжье «ранний период поздней бронзы не исчерпывается памятниками покровского типа, а синхронно им существуют и другие типы памятников» [30, с. 72]. В материалах памятников отмечается наличие традиций местного населения средней бронзы. «Это два закрытых и информативных комплекса, сооруженных за короткий временной отрезок, отражающих социальную стратификацию общества...» [30, с. 3], что, конечно же, требует дополнительной аргументации.

А. И. Юдин и А. Д. Матюхин фактически ведут речь о том, что поначалу в Нижнем Поволжье имелось «несколько типов раннесрубных памятников, отражающих, с одной стороны, традиции местного поздне (пост) катакомбного населения, и, с другой стороны, внешние влияния, проявившиеся особенно выразительно в социально выделенных памятниках покровского типа» [30, с. 72–73]. По их мнению, в современной археологии применительно к пространствам Нижнего Поволжья произошла подмена понятия «раннесрубные памятники» понятием «покровские памятники», в результате чего раннесрубные захоронения без этих черт оказываются включенными во второй период срубной культуры. Но если это и так, нужно более четкое выделение признаков, по которым погребения без покровских признаков признаются раннесрубными.

Значительный материал, происходящий из погребальных памятников покровского времени, за-

действован в кандидатской диссертации А. С. Лапшина, где анализу подвергнуты данные более чем 600 захоронений (136 курганных и четыре грунтовых могильника), происходящих с территории наибольшего сближения бассейнов Волги и Дона. Выделяемая им серия памятников покровской культуры поделена на два этапа, в первом из которых есть серия захоронений, сближающихся с захоронениями доно-волжской абашевской культуры. А. С. Лапшин придерживается точки зрения об эволюционном характере развития покровской культуры в срубную, признавая и «наличие в первой «протосрубных» элементов, появлению и сохранению которых способствовало вовлечение в процесс культурогенеза местных, степных посткатакомбных племен в лице криволукского и, по всей видимости, бабинского населения» [31, с. 25].

Еще одна книга, на которую следует обратить особое внимание, это опубликованная в 2010 г. монография В. А. Лопатина, посвященная анализу результатов раскопок под его руководством во второй половине 1990-х гг. грунтового могильника поздней бронзы у с. Смеловка в Саратовском Заволжье, находящегося приблизительно в двух десятках километров от известных Покровских курганов [32]. Там вскрыто 131 захоронение, разделенное автором на три обрядовые группы: первая, культурно-хронологические позиции которой близки комплексам криволукского культурного типа посткатакомбного мира, вторая, отражающая процесс трансформации покровского культурного типа, третья – это уже собственно срубный пласт могильника [32, с. 158]. В процессе становления срубной культуры в степном Заволжье криволукский компонент признается В. А. Лопатиным как автохтонный, а покровский – «пришлым, включившимся в динамику культурогенеза на рубеже эпох средней и поздней бронзы» [32, с. 160]. Стык этих компонентов, по мнению ученого, мог произойти не позднее XVII в. до н.э. Как оправданно полагает В. А. Лопатин, обрядовые группы отражают процесс культурогенеза. Сам этот процесс ему видится «как гармоничный симбиоз преимущественно двух культурных компонентов – криволукского и покровского, возможно, при участии других посткатакомбных групп Волго-Уралья и с некоторым влиянием синташтинской традиции» [32, с. 160]. В результате же такого рода взаимодействия, как пишет В. А. Лопатин, и происходит становление варианта срубной культуры, который он именует заволжским степным [32, с. 160–161]. В данном случае у него идет речь о покровско-криволукском векторе культурогенеза, который

по времени ограничен временем приблизительно XVIII–XVII вв. до н.э., а территориально Нижним Поволжьем и Приуральем. По его мнению, на западных территориях в Нижневолжском Правобережье на происходившие там процессы могли влиять бабинцы, а на восточных в Южном Приуралье – поздние синташтинцы. Труднорешаемый вопрос об участии в соответствующих процессах донского позднекатакомбного населения «решить ... возможно, удастся после конструктивного разграничения проблем доно-волжской абашевской культуры и памятников покровского типа» [32, с. 165].

Не продолжая далее изложение имеющихся оценок памятников покровского типа Поволжья, тем более степной и лесостепной зон Заповолжья и Приуралья (работы В. С. Горбунова, В. А. Лопатина, Г. Г. Пятых, А. П. Семеновы и др.), уместнее вернуться к изложению соображений, касающихся оценки памятников доно-волжской абашевской культуры и дальнейшей судьбы этого населения применительно к территории лесостепного Подонья. А. Д. Пряхин, А. С. Саврасов, Ю. П. Матвеев, А. В. Моисеев, А. А. Припадчев, продолжая разработку соответствующей проблематики в русле тех направлений, которые изложены в опубликованной в начале десятилетия коллективной монографии «Дона-волжская абашевская культура», как, впрочем, в ряде других работ, наибольшее внимание сосредотачивают на данных, свидетельствующих о трансформации этой культуры и ее роли в становлении здешних срубников, что, собственно говоря, и предопределило осмысление памятников «покровского типа» на этой территории.

Пополняется число свидетельств в пользу преемственности производственных традиций носителей доно-волжской абашевской и здешней срубной культур (работы А. С. Саврасова, Е. Н. Зайцева, Е. Б. Свистовой и др.). Сошлюсь, прежде всего, на серию работ А. С. Саврасова, которым на основе сопоставительного анализа серий металла доно-волжской абашевской культуры и донской лесостепной срубной культуры все более весомо аргументируется тезис о преемственности производственного инструментария, технологии отливки и типологии серий изделий обеих культур. Отмечается наличие серьезных изменений в масштабах металлопроизводственной деятельности и в характере ее организации у доно-волжских абашевцев и срубников [33, с. 142–149]. Собственно, тот же подход оказывается основополагающим для серии работ Е. Н. Зайцева [34, с. 253–259], в том числе и для подготавливавшегося им диссертационного исследования, которое так и осталось незавершенным.

ционного исследования, которое так и осталось незавершенным.

Не менее показательные результаты дает сопоставительный анализ имеющейся серии сосудов со знаками доно-волжской абашевской культуры и срубной культурно-исторической общности, что позволяет утверждать наличие преемственности и дальнейшего развития срубным населением традиций доно-волжской абашевской культуры в области графической фиксации информации. Получает подтверждение сделанный Е. Ю. Захаровой и мною вывод, согласно которому сосуды со знаками этих культур, «являясь свидетельством существования в этих обществах оформившейся, имеющей графический способ фиксации и продолжающей развиваться мировоззренческой системы, к тому же подтверждают и правомерность подхода, согласно которому население абашевской и срубной общностей следует рассматривать в русле развития цивилизационных процессов в древности» [10, с. 158].

А. А. Припадчевым в 2004 г. опубликована статья, где с позиций интерпретации памятников покровского типа проанализированы данные по наиболее поздней из абашевских обрядовых групп захоронений Подклетненского могильника под г. Воронежем [36, с. 275–282]. Интерпретации этих захоронений были посвящены и его доклады на Картамышских полевых археологических семинарах [36, с. 137–142; 38, с. 193–197]. На основании таких показателей, как форма и размеры насыпи, данные планиграфических и стратиграфических наблюдений, обряд захоронений и погребальный инвентарь (прежде всего керамика), эти захоронения им разделены на три хронологические группы: первая из них – погребения позднего этапа доно-волжской абашевской культуры (12 захоронений), следующая группа – погребения переходного абашевско-срубного типа, где в обряде и инвентаре проявляют себя доно-волжские абашевские признаки (6 захоронений), последняя – погребения, имеющие в основном уже срубный облик, где улавливаются лишь отдельные трансформированные черты, свойственные для доно-волжских абашевцев (9 захоронений). При этом погребения, относящиеся к уже сложившейся срубной культуре, в анализе не задействованы. Проведенный А. А. Припадчевым анализ позволил констатировать, что, судя по данным Подклетненского могильника, вполне определенно фиксируется постепенная трансформация доно-волжской абашевской культуры в донскую лесостепную срубную. Подчеркивается, что переходные абашевско-срубные захоронения страти-

графически следуют за позднеабашевскими и предшествуют срубным [36, с. 281].

Важное значение имеет недавно защищенное А. А. Припадчевым диссертационное исследование «Погребальные памятники покровского типа донской лесостепи эпохи бронзы», где дается анализ захоронений Подонья, отнесенных разными авторами к покровским. Учтено 452 захоронения, происходящих из 67 могильников. Захоронения также разделены на три группы. В одну группу включены захоронения, которые по основным показателям оказались доно-волжскими абашевскими (122 погребения). Значительную группу образуют захоронения, которые могут быть интерпретированы как собственно срубные (205 погребений). Оставшиеся же захоронения, имея в целом более срубный облик, проявляют отдельные абашевские черты, что прежде всего фиксируется в керамике (125 погребений). Это так называемые переходные абашевско-срубные захоронения, за которыми А. А. Припадчев считает возможным оставить обозначение «погребения покровского типа» [38, с. 14–21]. Именно они отражают процесс трансформации доно-волжских абашевцев в срубников.

Рассмотрению той же проблемы посвящена и недавно опубликованная А. А. Припадчевым статья [39, с. 139–150]. Тем самым, в результате проведенного анализа получает дополнительную аргументацию тезис о процессе постепенной трансформации доно-волжской абашевской в здешнюю срубную культуру. В то же время важно подчеркнуть, что сводить происхождение срубников лесостепного Подонья, и прежде всего прилегающих территорий доно-волжского междуречья, только к трансформации доно-волжской абашевской культуры было преждевременным.

Немаловажно отметить, что В. В. Отрощенко признает, что из трех абашевских культур только доно-волжская абашевская проявляет тенденцию к трансформированию в срубную (покровскую) культуру, тем самым демонстрируя линию развития доно-волжская абашевская культура – покровская срубная культура, что отражает процесс формирования не всей срубной общности, а лишь одной из ее культур, которую поначалу он называл покровской [40, с. 178–179]. Покровская срубная культура, по В. В. Отрощенко, унаследовала от доно-волжских абашевцев «не только отдельные пережиточные формы посуды и некоторых иных вещей, но и субкультуру военизированной знати (харизматический клан воинов-колесничих)» [40, с. 179]. Сюда же следует добавить и наличие общих черт в погребальном обряде с доно-волжскими

абашевцами. При этом, конечно же, надо иметь в виду, что сама грань между поздними доно-волжскими абашевцами и уже срубниками, имеющими в материальной культуре пережиточные абашевские черты, достаточно условна.

Во второй период покровской срубной культуры, пишет В. В. Отрощенко, уже сложилась срубная общность, когда по его представлениям такого рода знать исчезает, происходит максимальное распространение покровской срубной культуры, сопровождающееся утратой ярких черт, «характерных для этапов героической эпохи боевых колесниц» [40, с. 179].

Нетрудно заметить, что в настоящее время важнейшее значение приобретает сопоставление массивов древностей, интерпретируемых как доно-волжская абашевская культура (прежде всего территории лесостепного Подонья) и как покровская культура (прежде всего территории Нижнего Поволжья). В. В. Цимидановым в середине десятилетия опубликована статья «Доно-волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения», где ее автор стремится ответить на вопрос о соотношении этих культур в системах рассмотрения: тезис-антитезис-синтез-антисинтез [42, с. 66–81]. «Тезис» определяется им как признание того, что памятники Нижнего Поволжья с абашевскими чертами должны рассматриваться в рамках доно-волжской абашевской культуры [41, с. 69]. Антитезис у него выглядит, как признание того, что памятники покровского типа рассматриваются или как самостоятельное культурное явление или как одна из линий развития срубной культуры [41, с. 69]. Синтез сводится к тому, что памятники покровского типа не являются частью доно-волжской абашевской культуры, но предстают как ее наследники [41, с. 70]. Что же касается антисинтеза, то, по его представлению, гипотеза о происхождении памятников покровского типа от доно-волжской абашевской культуры хотя и имеет право на существование, но она недостаточно аргументирована [41, с. 77]. В статье много важных наблюдений, много интересных суждений и замечаний. Но для серьезного сопоставительного анализа нужно четко обозначить источниковую базу, которая положена в основу выделения как памятников доно-волжской абашевской культуры, так и памятников покровского типа. На сегодняшний же день это сделать не просто затруднительно, а в известном смысле и невозможно, поскольку достаточно часто одни и те же памятники рассматриваются одними авторами как доно-волжские абашевские, а другие – как памятники покровского типа. Прежде все-

го, это касается памятников покровского типа. Вряд ли случайно и то, что до настоящего времени отсутствует даже карта памятников покровского типа, что прежде всего объясняется размытостью и нечеткостью критериев для их выделения.

Целесообразно остановить внимание на оценке наиболее ранних, относимых к покровским, памятниках с территории Нижнего Поволжья. Среди них и те, которые раскапывались в рассматриваемое десятилетие. Наиболее показателен раскопанный в 2006 г. под руководством Ю. А. Зеленева и А. И. Юдина одиночный курган у с. Дубовый Гай, находящийся по правому берегу Терешки в Правобережье Волги (Хвалынский район Саратовской области). В кургане оказалось четыре близких по времени, по мнению А. И. Юдина, одновременных захоронения, которые интерпретируются как относящиеся к покровскому культурному типу [42, с. 344–350; 44]. Поначалу он стремится сопоставить захоронения в кургане Дубовый Гай не с доно-волжскими абашевскими, а с потаповскими древностями самарского Поволжья.

Вскоре уже в совместной статье Ю. А. Зеленева и А. И. Юдина подчеркивается близость захоронений в кургане у с. Дубовый Гай доно-волжской абашевской культуре, которые, тем не менее, продолжают включаться и в число «наиболее ранних покровских срубных, когда облик культуры еще не сформировался полностью...» [43, с. 143].

В кургане у с. Дубовый Гай своими масштабами, по крайней мере, для пространств Нижнего Поволжья, выделяется находящееся под центром насыпи захоронение 4, совершенное в перекрытой деревянным накатом могильной яме, имевшей в длину 4,4 м, при ширине до 3,3 м. Глубина ямы в материке 1,6 м. В площади могильной ямы есть две связанные с перекрытием столбовые ямы. Дно камеры устлано циновкой. Ближе к восточной стенке находился скелет мужчины в возрасте 25–35 лет, лежавший на спине головой на север. Ноги слегка согнуты в коленях. В районе позвоночника обнаружен кремневый наконечник стрелы.

Инвентарь включал один орнаментированный щитковый псалий и, надо думать, три деревянных псалия со вставными шипами, два ножа-кинжала с намечающимся перекрестием и ромбическим окончанием черенка, ланцетовидное орудие труда, стрекало с костяной муфтой, девять кремневых наконечников стрел, один костяной трехгранный в сечении наконечник стрелы с выемкой в основании, два больших по размерам орнаментированных в верхней части

колоколовидных абашевских горшка, другие предметы, остатки заупокойной пищи. Все это – инвентарь, в общем-то, обычный для военно-аристократических погребений доно-волжской абашевской культуры. Не лишним будет подчеркнуть, что имеется одна радиоуглеродная калиброванная дата по дереву из перекрытия рассмотренного погребения, что позволило определить время захоронения рубежом III–II тыс. до н.э. [42, с. 143].

Не противоречит абашевской атрибуции и подавляющая часть инвентаря, происходящая из трех других захоронений в кургане Дубовый Гай (погребения 1–3). В двух из могильных ям сохранились двухвенцовые срубы и деревянное перекрытие. Умершие лежали на левом боку в скорченном положении головой на северо-восток.

Ю. А. Зеленева и А. И. Юдин, интерпретируя четыре взаимосвязанных захоронения в кургане, высказали мысль, что «старейшина рода погребен по архаическому обряду (А. П. – погребение 4), а сопровождающие погребения соплеменников (А. П. – погребения 1–3) уже имеют черты нового, срубного обряда – северо-восточная ориентировка, положение на левом боку скорченно» [43, с. 143]. Куда логичнее оценить все эти захоронения в рамках доно-волжской абашевской культуры.

Назову и раскопанный в 2003 г. экспедицией Волгоградского педуниверситета одиночный курган у с. Линево в бассейне Медведицы (приток Дона), в котором оказалось три одновременных захоронения и связанная с ними яма-жертвенник, где находились череп и кости ног барана, на которых фиксировались следы охры.

В двух из могильных ям было по одному костяку, находившихся в слабо скорченном состоянии на левом боку. Еще в одной могильной яме костяк отсутствовал. Сопровождающий инвентарь обычен для доно-волжской абашевской культуры: керамика, ножи с намечающимся перекрестием и ромбическим окончанием черенка, желобчатые подвески и браслеты, кремневые наконечники стрел, костяные предметы [45, с. 81–84, 93–96, рис. 1–4]. Е. П. Мыськов, А. В. Кияшко и А. С. Лапшин отнесли эти захоронения к покровской культуре [44, с. 84].

Серия захоронений интересующего круга выявлена в том же году в кургане 4 могильника Широкий Карамыш 2 по р. Карамыш в бассейне Медведицы (Лысогорский район Саратовской области) [45, с. 114–119; 47, с. 20–35]. Под расположенной в центре курганного могильника насыпью на территории, ограниченной прерывающимся ровиком, и в самом ровике обнаружено 9 могильных ям. Еще одна могиль-

ная яма (погребение 10) и четыре жертвенника оказались за пределами этой конструкции. Основное погребение в кургане, как и единственное захоронение в находившемся поблизости кургане 3 И. И. Дремовым, В. В. Тихоновым и И. В. Тупаловым отнесены к позднеямной, катакомбной культурам или к культуре многовазиковой керамики [45, с. 24].

Происходящая из подавляющего числа других захоронений керамика по представлениям названных авторов, имеет признаки, свойственные катакомбным и покровско-абашевским сосудам [45, с. 24; 46, с. 117]. Сразу же замечу, что здесь отсутствуют проявления, характерные для срубных древностей. Керамика имеет облик, весьма напоминающий керамику доно-волжской абашевской культуры. Особенно это касается двух обычных для доно-волжских абашевцев ритуальных острореберных сосудиков, абашевского облика обломка желобчатой височной подвески и двух ножей с намечающимся перекрестием, один из которых имеет подромбическое окончание черенка. Не исключено, что отдельные сосуды имеют и катакомбные черты, на что обратили внимание И. И. Дремов, другие исследователи.

Перечисление такого рода захоронений в Нижнем Поволжье и Доно-Волжском междуречье можно продолжать и далее.

Все более рельефно вырисовывается возможность выделения на этих территориях поселений, откуда происходит и керамика, которую трудно отличить от доно-волжской абашевской. Сошлюсь на результаты раскопок 2007–2009 г. экспедицией Саратовского госуниверситета под руководством В. А. Лопатина многослойного поселения у с. Нижняя Красавка по р. Медведице (Аткарский район Саратовской области), на котором только под его руководством вскрыто 942 м².

Ознакомление с опубликованными В. А. Лопатиным результатами раскопок памятника 2007 г. убеждают в наличии здесь керамической серии, имеющей облик, близкий керамическим сериям с поселений доно-волжской абашевской культуры Подонья: обломки происходящих с поселения двух имеющих четко выраженное ребро абашевских острореберных сосудиков [47, с. 91, рис. 6, 11, 12] и обломки сосудов, имеющих четко выраженную колоколовидность [47, с. 92, рис. 7, 6, 9 и др.].

Недавно В. А. Лопатиным опубликованы данные по происходящему с поселения, по его терминологии, покровскому культурному комплексу (раскопки 2007–2009 гг.), соотносимому с более ранним культурно-хронологическим гори-

зонтом, в свою очередь перекрытым на юго-западном участке вскрытой площади раннесрубным культурно-хронологическим горизонтом [48, с. 129, 148–149, рис. 1, 2].

В представленной керамической серии покровского времени с поселения В. А. Лопатиным выделены и сосуды, которые он считает ранними среди покровских [48, с. 150, рис. 3]. Именно эта керамическая серия по своему облику наиболее близка доно-волжской поселенческой керамике лесостепного Подонья, а подчас и вообще неотличима от нее. В. А. Лопатиным выделена и серия сосудов, названных им реберчатыми [48, с. 153, рис. 6], среди которых и небольшие сосудики, в общем, характерные для абашевских древностей. Обломком представлена и крышка одного из них. Кстати сказать, это самая представительная серия такого рода сосудов с поселений абашевского круга.

К рассматриваемому времени относится и серия свидетельств металлопроизводственной деятельности, включая обломки глиняных литейных форм и плавильных чаш. А со дна реки под обрывом поселения найден бронзовый вислообушный топор, параллели которому по В. А. Лопатину – топоры из случайных сборов в Подстепном и Краснополье [48, с. 44]. И, конечно же, уникальной находкой следует признать обнаружение орнаментированного бесшипного щиткового псаля, отнесенного В. А. Лопатиным ко времени формирования ранней срубной культуры. Этот псалий конструктивно восходит к праобразам староюрьевского типа [48, с. 138–143, 158, рис. 9, 13].

Существенно и то, что ранний слой на поселении частично нарушен большим по площади относимым к раннесрубному времени полуземляночным имеющим столбовую конструкцию жилищем с примыкающим тамбуром [48, с. 149, рис. 2], что характерно для традиций абашевского домостроительства.

Вообще-то, уместно вспомнить и об опубликованных Н. М. Маловым материалах с двух поселений у Новой Покровки по р. Терешке, о которых речь уже шла, ранняя керамическая серия с которых также обнаруживает близость керамике доно-волжской абашевской культуры.

Думаю, что их также вряд ли оправданно отрывать от доно-волжской абашевской культуры, тем более, если иметь в виду, что речь идет о пространствах, фактически продолжающих территорию сосредоточения основного массива памятников этой абашевской культуры в лесостепном Подонье.

Не стремясь уже сейчас предложить всеобъемлющее решение проблемы соотношения древ-

ностей доно-волжской абашевской культуры и памятников покровского типа, имеем основание полагать, что для пространств Нижнего Поволжья, особенно Волжского Правобережья, ранние памятники покровской культуры по времени соотносятся или следуют за древностями развитого этапа доно-волжской абашевской культуры. Доно-волжскими абашевскими начинают признавать захоронения отдельных могильников доно-волжского междуречья и те исследователи, которые еще недавно рассматривали их среди покровских (пример оценки В. И. Мамонтовым ряда захоронений в могильнике у х. Красно-вский по р. Хопер в Нехаевском районе Волгоградской области [49, с. 165, 167, 169, рис. 2, 5, 9, 10, 11, 12]).

Особого внимания заслуживает оценка древностей доно-волжской абашевской культуры и покровских памятников, учитывающая интерпретацию памятников бабинской культурно-исторической общности (культурного круга Бабино). Р. А. Литвиненко, занимаясь проблематикой, связанной с оценкой древностей культурного круга Бабино, неоднократно возвращается к оценке древностей доно-волжской абашевской, синташтинской культур и памятников покровского типа [50; 51, с. 6–7, 12–13, 16–17]. Он пишет о том, что носители доно-волжской абашевской культуры на ее позднем этапе или на этапе трансформации в срубную культуру (покровский этап) достигают Северского Донца, вытесняя из нижнедонского правобережья и доно-донецкого междуречья поздних бабинцев [52, с. 82–83].

Тогда же С. Н. Санжаров излагает иной, чем у Р. А. Литвиненко, подход к проблеме культурогенеза на пространствах Восточной Украины в конце средней бронзы. По нему – это время обитания здесь позднекатакомбного населения и миграции в западном направлении носителей доно-волжской абашевской культуры [53, с. 27]. В дальнейшем же, на основе позднейшего финальноабашевского и посткатакомбного компонентов «в бассейне Северского Донца происходит сложение местных памятников покровской срубной культуры» [54, с. 141].

А ведущий исследователь эпохи бронзы восточноукраинской лесостепи С. И. Берестнев, давая оценку памятников общности многоваликовой керамики (его терминология. – А. П.) и срубной культурно-исторической общности восточноукраинской лесостепи, придерживается подхода В. В. Отрощенко, выделившего две линии в развитии срубников: лесостепная, представленная покровской срубной культурой, и степная, как он пишет, иллюстрируемая памят-

никами бережновско-маевской срубной культуры [55, с. 99]. Им аргументируется мысль о движении в западном-юго-западном направлении в лесостепное левобережье Украины в покровское время носителей средневолжской погребальной традиции (лесостепь и смежные территории степной зоны) и степной погребальной традиции Волго-Донья [55, с. 100–104].

В завершение следует особо обратить внимание на демонстрируемый В. В. Отрощенко подход в оценке срубных древностей. В защищенной в 2002 г. докторской диссертации «Історія племен зрубної спільності» им развивается подход, сводящийся к выделению двух срубных культур, одна из которых первоначально, как уже говорилось, называлась покровской срубной, памятники которой концентрируются в зоне лесостепи и на прилегающих территориях степной зоны, включая левобережье Донца [56, с. 15–17]. Вскоре эта культура им уже именуется покровско-мосоловской срубной [57, с. 73, 76–80]. Наиболее представительным поселением этой культуры В. В. Отрощенко считает Мосоловское поселение металлургов-литейщиков в левобережье Дона [57, с. 77]. Замечу, что это же поселение признается базовым и при выделении воронежскими исследователями донской лесостепной срубной культуры. Думаю, что было бы целесообразным для соответствующей культуры ввести название «мосоловская срубная культура», что позволит упразднить употребление терминов «покровская (покровско-мосоловская) срубная культура» (украинские исследователи) и «донская лесостепная срубная культура» (российские исследователи). В этом случае исключается и возможность путать разные культуры: «покровская (покровско-мосоловская) срубная культура» по В. В. Отрощенко и «покровская культура» по Н. М. Малову.

Задумываясь над характером проявляющихся в первое десятилетие XXI столетия подходов в осмыслении памятников покровского типа, явно ощущаешь возрастание влияния тенденций, проявившихся в это десятилетие в изучении крупных культурно-исторических общностей средней-поздней бронзы лесостепной зоны Доно-Донецкого и Волго-Уральского регионов: прежде всего катакомбной (А. В. Кияшко, С. Н. Санжаров и др.), абашевской (автор, Е. Н. Черных, употребивший название «абашевско-синташтинская археологическая общность»), бабинской (Р. А. Литвиненко), срубной (В. В. Отрощенко, В. С. Горбунов и др.).

Все более значимой выглядит потребность их осмысления на фоне сопоставительного анализа северо-восточной зоны Циркумпонтийской ме-

таллургической провинции, в которой просматриваются истоки Евразийской провинции, и раннего этапа Евразийской металлургической провинции [58, с. 70–84; 60, с. 244–251]. Важным представляется и сопоставление металла доново-волжской абашевской культуры и металла, происходящего из комплексов «покровского» типа.

Если же подводить итог сказанному, то есть основание утверждать, что, несмотря на пеструю палитру имеющихся подходов в оценке памятников покровского типа, сейчас вполне реально выявляются тенденции, позволяющие выйти на целостную их оценку, прежде всего в системе абашевского и срубного миров как промежуточного звена между ними, испытавшего и значительное воздействие посткатакомбного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халиков А. Х. Пепкинский курган (абашевский человек) / А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова // Труды Марийской археологической экспедиции. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1966. – Т. III.
2. Малов Н. М. «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (памятники покровского типа) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Малов Н. М. – СПб. : ИИМК РАН, 1992. – 16 с.
3. Кузьмина О. В. Соотношение абашевской и покровской культур / О. В. Кузьмина // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. – Часть II. – СПб. : ИИМК РАН ; СГУ, 1995.
4. Кузьмина О. В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры / О. В. Кузьмина // Древние общества юга восточной Европы в эпоху металла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб. : Европейский Дом, 2000.
5. Протоколы заседаний конференции «Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы» // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. – Часть II. Материалы конф. и дискуссии 21–25 августа 1995 года, Саратов. – СПб. : ИИМК РАН ; СГУ, 1995.
6. Литвиненко Р. А. Памятники покровского типа на Северском Донце / Р. А. Литвиненко // Археологические вести. – СПб. : ИИМК РАН, 1995. – № 4.
7. Литвиненко Р. А. Была ли абашевская культура на Украине? / Р. А. Литвиненко // Доно-донецкий регион в эпоху средней бронзы. Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж : ВГУ, 1998. – Вып. 11.
8. Литвиненко Р. А. Периодизация срубных древностей доно-донецкого региона (по погребальным памятникам Северского Донца) / Р. А. Литвиненко // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи : матер. научн. конф. – Воронеж : ВГУ, 2000.
9. Шарафутдинова Э. С. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце / Шарафутдинова Э. С. // Донские древности. – Азов : Азов. краев. музей, 1995. – Вып. 4.
10. Пряхин А. Д. Доно-волжская абашевская культура / А. Д. Пряхин, В. И. Беседин, Е. Ю. Захарова, А. С. Саврасов, И. Е. Сафонов, Е. Б. Свицова. – Воронеж : ВГУ, 2001. – 172 с.
11. Пряхин А. Д. Феномен памятников покровского типа / А. Д. Пряхин // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век) ; междунар. конф. – Донецк : Изд-во ДонГУ, 1996. – Ч. I.
12. Матвеев Ю. П. Поздний этап доно-волжской абашевской культуры и генезис срубной культуры в доно-волжском междуречье / Ю. П. Матвеев // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. – Саратов : Изд-во СГУ, 1991.
13. Матвеев Ю. П. Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья / Ю. П. Матвеев // Евразийская лесостепь в эпоху металла. – Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж : ВГУ, 1999. – Вып. 13.
14. Пряхин А. Д. Доно-волжская абашевская культура и проблема оценки памятников покровского типа в Нижнем Поволжье / А. Д. Пряхин // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей : материалы междунар. конф. – Саратов : Изд-во СГУ, 1997.
15. Синюк А. Т. О соотношении памятников покровского типа и доно-волжской абашевской культуры / А. Т. Синюк // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья : тез. II Рыковских чтений. – Саратов : Изд-во СГУ, 1991.
16. Синюк А. Т. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) / А. Т. Синюк, И. А. Козмирчук // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). – Самара : Изд-во СамГПУ, 1995.
17. Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона / А. Т. Синюк. – Воронеж : Изд-во ВГПУ, 1996.
18. Отрощенко В. В. К вопросу о покровской срубной культуре / В. В. Отрощенко // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей : материалы междунар. науч. конф. – Саратов : Изд-во СГУ, 1997.
19. Отрощенко В. В. О культурах срубной общности / В. В. Отрощенко // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи : материалы междунар. науч. конф. – Воронеж : ВГУ, 2000.
20. Бровендер Ю. М. Капитаново-1. Поселение покровской срубной культуры в Северскодонецком

Левобережье / Ю. М. Бровендер // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2000. – Вип. VIII.

21. Бронзовый век Восточной Европы : характеристика культур, хронология и периодизация : материалы междунар. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара : ООО НТЦ, 2001.

22. Абашевская культурно-историческая общность : истоки, развитие, наследие : материалы междунар. конф. – Чебоксары, 2003.

23. Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее : тез. конф. – М. : ГИМ, 2003. – Ч. 1.

24. Проблеми гірничої археології : матеріали II-го міжн. Картамиського польов. арх. сем. – Алчевськ : ДонДТУ, 2005.

25. Бочкарев В. С. Волго-Уральский регион в эпоху бронзы / В. С. Бочкарев // Народы степной Евразии в древности. История татар с древнейших времен. – Казань : Рухият, 2002. – Т. 1.

26. Малов Н. М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья / Н. М. Малов // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов : Изд-во СГУ, 2003. – Вып. 5.

27. Malov N. M. Spears-Signs of Archaic Leaders of the Pokrovsk Archaeological Culture / N. Malov // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC/ Remonograph Series. – Washington : Institute for the Study of Man Inc, 2002. – No. 45. – Vol. I. – P. 314–336.

28. Малов Н. М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье / Н. М. Малов // Бронзовый век Восточной Европы : характеристика культур, хронология и периодизация : материалы междунар. науч. конф. – Самара : ООО НТЦ, 2001.

29. Малов Н. М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья : по материалам поселений срубной культурно-исторической области / Н. М. Малов // Археология восточноевропейской степи. – Саратов : Научная книга, 2007. – Вып. 5.

30. Юдин А. И. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное / А. И. Юдин, А. Д. Матюхин. – Саратов : Научная книга, 2006. – 116 с.

31. Лапшин А. С. Памятники раннего и позднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. С. Лапшин. – СПб. : ИИМК РАН, 2006. – 26 с.

32. Лопатин В. А. Смеловский могильник : модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.) / В. А. Лопатин. – Саратов : Наука, 2010. – 242 с.

33. Саврасов А. С. Сопоставительный анализ свидетельств металлообработки доно-волжской абашевской и донской лесостепной срубной культур (к проблеме преемственности производственных традиций) / А. С. Саврасов // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк ; СПб. : ЛГПУ, ИИМК РАН, 2007. – Вып. 3.

34. Зайцев Е. Н. Проблема преемственности в производственной деятельности населения доно-волжской абашевской и донской лесостепной срубной культур. Современный этап изучения / Е. Н. Зайцев // Вестник ВГУ. – Сер. Гуманитарные науки. – Воронеж : ВГУ, 2006. – № 2.

35. Припадчев А. А. Результаты исследования Подклетненского могильника и проблема интерпретации памятников «покровского типа» / А. А. Припадчев // Труды молодых ученых. – Воронеж : ВГУ, 2004. – Вып. 1. – С. 275–282.

36. Припадчев А. А. Результаты исследования Подклетненского могильника и осмысление памятников покровского типа / А. А. Припадчев // Проблемы гірничої археології (доп. II-го міжн. Картамиського польов. арх. сем.). – Алчевськ : ДонДТУ, 2003.

37. Припадчев А. А. Результаты исследования Подклетненского могильника и осмысление памятников «покровского типа» / А. А. Припадчев // Проблемы гірничої археології (матеріали II міжн. Картамиського польов. арх. сем.). – Алчевськ : ДонДТУ, 2005.

38. Припадчев А. А. Погребальные памятники покровского типа донской лесостепи эпохи бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Припадчев. – Казань : ИИ АНРТ, 2009. – 29 с.

39. Припадчев А. А. Деление погребальных памятников покровского типа донской лесостепи эпохи бронзы на культурно-хронологические группы / А. А. Припадчев // Материалы по истории и археологии России. – Рязань : Александрия, 2010. – Т. 1.

40. Отроценко В. В. К вопросу о периодизации покровской срубной культуры / В. В. Отроценко // Проблемы археологии Евразии. – М. : ИА РАН, 2002.

41. Цимиданов В. В. Доно-волжская абашевская культура и памятники покровского типа : к проблеме соотношения / В. В. Цимиданов // Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья. – М. : ИА РАН, 2005.

42. Юдин А. И. Проблемы контактов лесостепного и степного населения в эпоху поздней бронзы в Саратовском Поволжье / А. И. Юдин // Наша малая Родина : ее история, развитие, проблемы. – Балашов, 2009.

43. Зеленева Ю. А. Курган у с. Дубовый Гай / Ю. А. Зеленева, А. И. Юдин // Археологические памятники Саратовского Правобережья : от ранней бронзы до позднего средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). – Саратов : Научная книга, 2010.

44. Мыськов Е. П. Исследование курганов в бассейне р. Медведицы / Е. П. Мыськов, А. В. Кияшко, А. С. Лапшин // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – Вып. 3.
45. Дремов И. И. Курган у с. Широкий Карамыш с покровскими и катакомбными признаками / И. И. Дремов, В. В. Тихонов, И. В. Тупалов // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов : Научная книга, 2005. – Вып. 6.
46. Дремов И. И. Новые материалы рубежа средней и поздней бронзы из Саратовского правобережья Волги / И. И. Дремов, В. В. Тихонов // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : тез. докл. I междунар. нижеволжск. арх. конф. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004.
47. Лопатин В. А. Поселение у с. Нижняя Красавка (по раскопкам 2007 года) / В. А. Лопатин // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов : Научная книга, 2008. – Вып. 8.
48. Лопатин В. А. Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка II (по материалам исследований 2007–2009 годов) / В. А. Лопатин // Археология восточноевропейской степи. – Саратов : ИЦ Наука, 2010. – Вып. 8.
49. Мамонтов В. И. Курганный могильник Красновский II / В. И. Мамонтов // Пастушеские скотоводы Восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). – Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж : ВГУ, 2005. – Вып. 19.
50. Литвиненко Р. А. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы / Р. А. Литвиненко // Бронзовый век Восточной Европы : характеристика культур, хронология и периодизация : материалы междунар. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара : ООО НПЦ, 2001.
51. Литвиненко Р. О. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток) : автореф. дис. ... д-ра іст. наук / Р. О. Литвиненко. – Київ : ИА НАНУ, 2009. – 32 с.
52. Литвиненко Р. А. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона / Р. А. Литвиненко // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж : ВГПУ, 2002.
53. Санжаров С. М. Східна Україна на рубежі середньої-пізньої бронзи : автореф. дис. ... д-ра іст. наук / С. М. Санжаров. – Київ : ИА НАНУ, 2007. – 32 с.
54. Санжаров С. М. Кайдацинский комплекс поселений рубежа средней – поздней бронзы в системе древностей Северского Донца / С. М. Санжаров. – Луганск : Вид-во СНУ, 2004.
55. Берестнев С. И. Восточнoукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С. И. Берестнев. – Харьков : ПФ Амет, 2001.
56. Отрощенко В. В. Історія племен зрубної спільності : автореф. дис. ... д-ра іст. наук / В. В. Отрощенко. – Київ : ИА НАНУ, 2002. – 33 с.
57. Отрощенко В. В. К истории племен срубной общности / В. В. Отрощенко // Доно-донецкий регион в эпоху бронзы. Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж : ВГУ, 2003. – Вып. 17.
58. Черных Е. Н. Каргалы / Е. Н. Черных. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – Т. V : Каргалы : феномен и парадоксы развития. – 199 с.
59. Степной пояс Евразии : феномен кочевых культур / Е. Н. Черных. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 624 с.

Воронежский государственный университет

Пряхин А. Д., доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира, директор Научного центра по истории отечественной археологии

E-mail: 551482@list.ru

Voronezh State University

Priakhin A. D., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Archaeology and Ancient History Department, Director of the Scientific Center for Historiography of Russian Archaeology

E-mail: 551482@list.ru